

Человек из будущего стоял в гостиной загородного дома возле трупа десятилетнего мальчика и рассматривал окровавленный нож в своих руках. Сквозь щель между занавесками в комнату просачивался тусклый свет, крошечную тьму превращая в полумрак. В таком сумраке кровь, растекшаяся по полу из горла ребенка, казалась черной. Мужчина сел на корточки и проверил пульс мальчика, приложив пальцы к его пока еще теплой шее. Мертв. Человек из будущего взял свой портативный кислородный баллон, до этого лежавший на полу, и приложил маску баллона к лицу. Сделал несколько глубоких вдохов, а потом положил сосуд обратно.

Тишину нарушил грохот от удара — полиция выломала замок, входная дверь распахнулась и стукнулась о стену. Человек из будущего подскочил и обернулся к полицейским, выронив нож.

ГЛАВА 1

Месяц спустя

На смену очередной мучительной ночи пришел рассвет. Николай проснулся на заднем сиденье своей машины. Он лежал, ощущая прохладу осени, проникающую под одежду. Когда мужчина попытался, облокотившись на сиденье, подняться, в груди кольнуло так, что пришлось снова лечь и еще с минуту не шевелиться, делая неглубокие вдохи. Спазм, вызванный межреберной невралгией, отступил, и Николай медленно сел, уставившись воспаленными глазами в зеркало заднего вида, в котором отражался он — человек, измотанный и замученный, выглядевший в свои сорок лет на все пятьдесят, а то и старше. Возможно, дело было в щетине, возможно в мешках под глазами, а возможно, в кошмарах, паранойе, бессоннице и панических атаках, которые много

лет мучили его, Николая — врача-психиатра, заведующего психиатрическим отделением. За покрытым капельками дождя тонированным окном припаркованного автомобиля, служившего Николаю местом для ночлега, шаркал метлой дворник, сметая опавшие золотые листья. Николай терпеливо пульсирующие виски, опустив голову, и глядел на свои кожаные ботинки, стоявшие возле ног на пыльном резиновом коврике. Немного придя в себя, он обулся и вышел на улицу. Застегнул «молнию» на куртке до конца, но было поздно: озноб уже пробежал по телу, заставив Николая возненавидеть это утро, а заодно и всю вселенную. Мужчина зашагал к подъезду, глядя на мокрый асфальт под ногами.

Николай открыл дверь в свою квартиру, наполненную густым сумраком раннего утра. На мгновение он застыл в прихожей, размышляя, можно ли уже зайти домой или еще слишком рано? Организм не стал противиться, и Николай сделал робкий шаг, потом еще один и снова застыл. Открытая входная дверь придавала ему уверенности, и он, собрав волю в кулак, прошел на кухню и включил свет.

«Если что, выбегу», — подумал он, сев за стол.

«Нет, все же еще слишком рано, надо подождать, пока совсем рассветет», — мелькнула мысль, и Николай уже хотел вернуться обратно в машину, но его отвлекла вибрация телефона в кармане куртки, отчего мужчина вздрогнул. Достав телефон, он увидел новое сообщение: «Николаич, доброго. Прости, что в выходной. Ох, у нас сегодня дела! Вчера вечером прибыл новенький. Очень необычный. Ты сегодня нужен. Перезвони, как проснешься».

Николай недовольно вздохнул и набрал номер главврача больницы, в которой работал.

— Да, Андрей Семеныч, — сказал он хриплым голосом.

— Привет, не рассчитывал, что ты сразу перезвонишь. Я думал, ты дрыхнешь, — раздалось в ответ.

— Бессонница, старею, — вяло произнес Николай.

— Хах, — усмехнулся главврач, — в общем, подробности сообщу на месте. Если коротко, то вчера вечером, как ты уехал, прибыл новый пациент.

— И что? До понедельника не ждет?

— Ты должен это видеть, это очень необычный человек.

— А у нас бывают обычные?

— Коль, на пару часов приезжай, пожалуйста.

— Ох, Семеныч, башка и так квадратная, я скоро сам в пациента превращусь, в необычного.

— Николаич, приезжай. Я не шучу, дело совсем не простое.

— Приеду, приеду. Сейчас только чайку...

— Давай, ты удивишься, когда увидишь его. Это не вписывается в рамки здравого смысла.

— Ох, да кого я только не видел за эти годы.

— Таких не видел.

— Ладно, ладно, Семеныч, давай... фух... только вот проснулся, сейчас... мальчика с мыслями соберусь, чаю бодрящего наверну и жди.

— Все, добро.

— Ага, ага... добро... — недовольно пробурчал Коля.

Звонок начальника отвлек Николая от ужасных созданий, прячущихся в стенах

его дома, под кроватью, в шкафу, да и просто постоянно стоящих за его спиной. От тварей, из-за которых он боялся смотреться в зеркало, закрываться шторкой в ванне, когда мылся, даже если на дворе был день и дома была Маша. От тварей, желающих схватить его за ногу, когда та свисала с кровати или просто вылезала из-под одеяла (не свисала и не вылезала она по вышеуказанной причине).

Коля быстро позавтракал и выехал.

* * *

Николай работал в закрытой психиатрической больнице, куда отправляли людей на принудительное лечение. Обитателями этой больницы были исключительно мужчины, как персонал, так и пациенты.

Коля миновал двухметровый железобетонный забор с колючей проволокой, махнув рукой охранникам на КПП, и направился к главному входу второго корпуса. В первом корпусе — строгого режима — содержались самые опасные члены общества, в основном убийцы. Находились там люди в палатах, постоянно запертых, под

серьезной охраной. Больные сидели по двое, но особо буйных держали в одиночках. У некоторых пациентов в палате не было ничего, кроме матраца. У санитаров там всегда с собой в кармане была кнопка вызова вооруженной охраны, пост которой располагался на первом этаже. Второй корпус, где Николай работал заведующим отделением интенсивной терапии, менее строгий, да и публика там спокойнее, но кнопка вызова охранников у санитаров и врачей тоже была. По сути, из всех двадцати пациентов второго корпуса убийство совершили только двое, остальные или просто буйные хулиганы, или насильники.

Николай зашел в здание, поздоровался с очередными охранниками, прошел по холлу приемного отделения и поднялся по бетонной лестнице на второй этаж. В коридоре Коля встретил двоих санитаров — Сашку и Женьку.

— Адам, тебе придется зайти в палату, — вежливо, но настойчиво произнес Сашка, глядя на пациента, который, очевидно, вздумал своевольничать.

— Конечно, Александр, конечно, — надменно произнес пациент, — ты же про-

сишь. Я сделаю, как ты просишь. Сделаю, потому что могу себе позволить так сделать. Если бы не захотел, мог бы стоять тут, сколько мне надо.

— Адам, ты опять у нас выкрутасничать вздумал? — спросил Николай, остановившись возле коллег.

На самом деле Адама звали Юрий Сергеевич и было ему тридцать восемь лет. Младший научный сотрудник какого-то НИИ. Попал он сюда за убийство жены, которая, как он убежден, искушала его. Из-за нее же он и его дети были выгнаны из Эдема и помещены в полуразвалившуюся четырехэтажку на окраине города. За что женщина и поплатилась ударом шестнадцатикилограммовой гири по затылку.

— Да, что-то пошаливает, — сказал Женька, сурово глядя на Адама.

— В строгий корпус хочешь? — спросил Коля у пациента.

— Нет, Николай, что вы, — ответил Адам.

— Для тебя я Николай Николаевич, — строго произнес заведующий отделением, — если хоть одна жалоба на тебя мне поступит, отправишься в строгий. Тебе понятно, что я говорю?

— Да, Николай... Николаевич, — недовольно произнес Адам.

— Иди.

Адам зашел в палату, из которой за этой сценой с любопытством наблюдали еще пятеро пациентов и медбрат.

Николай зашагал по старому обшарканному паркету, вдоль зеленых стен, к концу коридора, где находился кабинет Андрея Семеновича.

В кабинете главврача первым, что всем бросалось в глаза, был огромный Т-образный стол для совещаний, занимавший половину помещения. На фоне желтого потрескавшегося потолка, местами отслоившейся белой краски на стенах кабинета и старых дешевых стульев монументальный дубовый стол смотрелся инородно. Андрей Семенович, сидящий во главе своего стола, оторвал взгляд от ноутбука, когда услышал негромкое «Здравствуйте».

— Забор покрасьте, — улыбнувшись, сказал главврач и добавил: — Садись, — указав рукой напротив себя.

Когда Николай присел, начальник все с той же с улыбкой спросил:

— Коньячка?

— Уф... не, Семеныч, — с отвращением ответил Коля, — ты давай завязывай с такими предложениями. Еще и с утра...

— Да ладно, чего ты? — настаивал руководитель.

Коля, глядя в морщинистое пухлое лицо своего, видать, уже подпившего шефа, молча помотал головой.

— У меня у внучки день рождения сегодня, вот я с утра и начал, чтоб время не терять.

— Поздравляю. Сколько ей?

— Четыре.

— Здорово, но пить я все равно не буду.

— Ну как хочешь, а я вот... — Главврач вытащил из выдвижного ящика стола бутылку и сделал глоток из горла.

— Ай, хорошо, — сказал он, расплываясь в улыбке, и закусил долькой мандарина, очевидно, лежащего в том же ящике.

— Ты меня обманом вызвал в выходной, чтобы выпить с тобой? — спросил недовольно Коля.

— Что ты, родной, это было бы подло. Нет, конечно. — Андрей Семенович убрал бутылку и задвинул ящик. — Приехало, значит, к нам вчера вечером такое чудо, что даже я диву дался.

— Ну рассказывай.

— Значит, так, — начал главврач, — к нам он прибыл по невменяемости и...

— Убил кого? — спросил Коля.

— Ты не перебивай старших... — Главврач закашлял в кулак, а потом продолжил: — Прибыл, значит, по невменяемости. Да, убил. Убил ребенка. Перерезал горло. Острый случай. Шизофрения, сопровождаемая массивным систематизированным бредом, — утверждает, что прилетел из будущего.

— Это, по-твоему, удивительно? — Николай усмехнулся.

— Это нет. Удивительно, что в полиции не нашли по нему вообще ничего.

— Нет документов?

— Нет вообще свидетельств его существования до того, как он был пойман на месте преступления. Ни паспорта, ни свидетельства о рождении, никаких следов в соцсетях, ничего и нигде. Отпечатков пальцев в базах тоже нет.

— И что? — со скепсисом произнес Николай. — Это говорит о том, что он жил вне нашего социума, вне системы. Как странствующий цыганский табор, об